

Федор Абрамов
ИЛЬЯ БРАЖНИН. «СУМКА ВОЛШЕБНИКА»

Все, кто так или иначе соприкасается с читателем, хорошо знают, какой большой интерес у него к писательскому делу, к секретам литературного мастерства. Да это и понятно: литература в нашей стране издавна окружена ореолом святости и глубокого уважения. А кроме того, ведь каждый читатель в душе – художник, причастен к тому великому процессу словотворчества, который происходит в народе беспрестанно. Вот почему всякую удачную книгу на эту тему можно лишь приветствовать.

«Сумка волшебника» И. Бражнина (я покамест говорю о первой части) несомненно удачная книга. Она написана молодо, с задором, с той подкупающей искренностью, которая самому обыденному разговору придает увлекательность, душевный жар.

О чем речь в книге? О первых зачатках художественного видения мира, о жизни как первооснове всякого искусства, о роли фольклора – и книги в формировании души художника, о памятных встречах с интересными людьми, и т. д. и т. п. Причем обо всем этом говорится непринужденно, без всякой назойливости и часто с таким мастерством, что разговор о той или иной стороне писательского дела принимает форму законченной новеллы или эссе. Таковы, например, воспоминания автора о первых цветах, подаренных матери, о похоронах великого князя, о юноше Шергине и его редком даре сказителя, поэтический этюд о стриже и др.

Хочу положительно отметить и умение И. Бражнина извлекать секреты писательского мастерства из книг и рукописей русских классиков. В этом отношении интересным представляется мне его прочтение пушкинского плана письма Татьяны.

Подобные похвалы по поводу книги И. Бражнина можно было бы продолжить и дальше – повторяю, она того заслуживает. Но, мне кажется, в жанре внутренней рецензии нужно прежде всего сосредоточить внимание автора рукописи и редакции на тех недостатках и упущениях, которые имеются в книге, ибо все мы заинтересованы в одном – в том, чтобы книга эта была еще лучше.

Итак, мои замечания.

Должен сразу же оговориться: они отнюдь не носят категорического характера. Напротив, они иногда спорны, иногда, быть может, до конца не продуманы, но раз уж они возникли у меня по ходу чтения, то я их выскажу. И дело автора – принимать их или не принимать.

По первой книге у меня, в сущности, одно замечание, и я назвал бы его так: заметки, или даже, если хотите, придирки реалиста. Дело в том, что И. Бражнин по своим литературным пристрастиям является яростным романтиком, и этот романтизм сказывается не только в его художественном творчестве. Он наложил свою печать и на его литературные суждения и оценки.

Начну с терминологии. «Чудо», «волшебство», «колдовство» – этими терминами перестрит книга. Слов нет, творческий процесс во многих отношениях загадочен, он полон секретов и тайн. Но не лучше ли для более убедительного раскрытия этих тайн и секретов почаще прибегать к более прозаическому, земному языку? А затем, второе, уже более существенное. В книге И. Бражнина те или иные вопросы писательского дела, естественно, иллюстрируются главным образом примерами из его собственного творчества. И что же получается, когда И. Я. говорит: писатель – волшебник, писатель – колдун? Получается,

что он так называет и себя. А это уже, извините, отдает нескромностью, саморекламой. По этим двум причинам, между прочим, я не могу признать удачным и само название книги, не говоря уже о том, что она у меня все время вызывает в памяти книгу с явно неудачным названием (но по другим причинам) – «Сумка, полная сердец».

Думается, романтический настрой автора или, точнее сказать, его романтический идеализм – одна из главных причин и некоторых односторонних и легковесных суждений.

На стр. 21 автор восклицает: «Я не люблю денег. Я ненавижу власть их над человеком». Правильно, раб Желтого дьявола – существо жалкое. Но поймут ли негодование автора против денег миллионы и миллионы наших людей, которые получают зарплату 65-70 рублей. А что подумают об авторе престарелые колхозницы, у которых пенсия 20 рублей? Да и по существу – разве деньги только зло? Разве деньги не являются благом?

На стр. 61 автор, говоря о себе, пишет: «Каюсь – романтик. А что касается реализма, то он, конечно, необходим как воздух, но одним воздухом не проживешь». Мне кажется, если и уподоблять чему-то реализм, то, скорее, не воздуху, а такой материальной основе жизни, как хлеб, или чему-то в этом роде.

В главе «Тень тополевой ветки» (не лучше ли – тополиной?) И. Бражнин с присущим ему темпераментом решительно выступает против «зеркальной» теории искусства и выдвигает свою теорию, так сказать, «теньевую». И. Бражнин настаивает, что произведение искусства не зеркало жизни, а тень жизни. С этим согласиться невозможно, хотя мне и понятен пафос автора, направленный против примитивного понимания взаимоотношений искусства с жизнью. Но как можно забывать, что выражение – тень чего-то – всегда имеет предосудительный смысл? И к примеру, известное определение Лениным Толстого как зеркала русской революции – как бы выглядело в свете «теньевой» теории?

На стр. 226-227 излагаются мысли А. Твардовского, С.-Экзюпери и И. Эренбурга по поводу места писателя на войне. Приведя очень выразительную выдержку из А. Твардовского, И. Я., однако, замечает, что хорошая мысль у Твардовского «нарочито тяжело-весна и неуклюжа по форме» и что та же мысль хорошо выражена у С.-Э. и И. Э. На мой взгляд, у Твардовского мысль хороша не только по содержанию, но и по форме, а мысль И. Э. и С.-Э., напротив, банальна и газетна как по форме, так и по своей сути.

На стр. 302 И. Бражнин с восторгом пишет об эллинистических мифах и не жалеет красок, чтобы заклеить «мрачно-кровавые, страдательные, ханжеские, античеловеческие мифы христианства». Разумеется, мифы Древней Греции хороши – это общеизвестно. Но надо ли изничтожать начисто мифы христианства, которые, как известно, характеризуют более высокий этап в духовном развитии человечества и которые лежат в основе всей новейшей культуры Запада? А потом, если и критиковать мифы о Христе и божьей матери, то только не за недостаток в них человечности... Нет, бездумность примитивной атеистической брошюры здесь, не годится.

Таковы мои замечания к первой книге рецензируемой рукописи, которые, повторяю, носят частный характер и ни в какой мере не влияют на мое самое положительное отношение к ней.

Сложнее у меня отношение ко второй книге, хотя ее я тоже прочитал с интересом и немалой пользой для себя. Больше того, отдельные главы в этой книге (о Писахове, о Марусе Чурай, о словах) просто замечательны. Они содержат много острых и верных наблюдений, отточенных характеристик и формулировок, касающихся как природы искусства в целом, так и отдельных писателей (Маяковский, Пушкин), критические замечания по поводу последних произведений В. Катаева.

Но при всех этих достоинствах вторая книга, на мой взгляд, лишена той цельности и внутренней целеустремленности, которые отличают первую книгу. В первой книге все необходимо (если не считать некоторых длиннот в некоторых главах), в ней все подчинено раскрытию того или иного секрета в писательском деле (отбор фактов из собственной жизни, отбор литературного материала, отбор примеров из жизни других писателей). Короче, первая книга очень органична, она хорошо построена, она сцементирована единой авторской мыслью, авторским отношением к предмету.

К сожалению, всего этого недостает второй книге. Во второй книге много случайно-го, лишнего, того, что не имеет прямого отношения к писательской кухне. Во второй книге автор из писателя (в подходе к литературе) все чаще превращается в литературоведа и мемуариста. Наконец, вторая книга, как мне кажется, перенасыщена автобиографическим материалом. Ибо авторские воспоминания тут часто носят самодовлеющий характер, а не являются иллюстрацией к тем или иным мыслям, связанным с раскрытием тайн и загадок писательского дела, как это было в первой книге.

Чтобы было все понятно, о чем я только что сказал, остановлюсь на одном примере – на главе, в которой рассказывается о работе писателя над переводом «Энеиды» Котляревского.

Как бы об этой работе говорил писатель в своей первой книге? Наверняка – в связи со сложностью и секретами переводческого дела, радостями и поучительными трудностями этой работы и т. д. Правда, об этом говорится и во второй книге, но говорится в пределах какой-нибудь одной пятой главы, а четыре пятых ее посвящены вопросам, не имеющим прямого отношения к писательскому делу – оценке его перевода на Украине, участию автора в юбилее Котляревского, описанию современной Полтавы, встречам автора с друзьями-украинцами и т. д. Причем обо всем этом говорится многословно; с несвойственными И. Я. прекраснотушием и сентиментальной размягченностью и простите за откровенность – нескромностью и самоупоеанием.

К сожалению, недостатки главы о Котляревском свойственны, правда в меньшей степени, и некоторым другим главам. Так, излишне подробно излагается творческая история «Двух капитанов» Каверина. Явно литературоведческий характер носят главы об особенностях построения рассказов у Д. Лондона, О. Генри, о портретах и автопортретах. Много лишнего в превосходно написанной главе «Песня идет на эшафот» и даже в главе о Кривополеновой, содержащейся в первой книге.

Отмечу свое несогласие с отдельными суждениями и оценками автора.

На стр. 504-505 И. Я. противопоставляет Л. Мартынова Тютчеву. Не бестактно ли это? А потом, мне думается, мысль Тютчева куда сложнее, чем это представляется И. Я.

В связи с анализом рассказа Лескова «Человек на часах», анализа интересного и любопытного, хотя порой и сбивающегося на литературоведческий, И. Я., справедливо сокрушаясь по поводу судьбы героя рассказа рядового Постникова, замечает, что в наше время Постниковых «отличают и увенчивают лаврами». Нет, дело обстоит сложнее. И в наше время уходить с поста нельзя. Ни под каким видом! В 1957 году меня хулиган ударил ножом на глазах у часового, охранявшего Большой дом. И, представьте, этот советский Постников с места не двинулся, как я ни взывал к нему, Что же, судить, порицать этого часового? С точки зрения чисто человеческой, может быть, и да. Но всегда ли законы устава и человечности совпадают?

Очень оригинальны и неожиданны ответы писателя на действительную и воображаемую анкеты. Но, к сожалению, они носят порой слишком общий характер, порой излишне «романтический», а порой игриво-кокетливый.

Например, на вопрос: «Кто ваш любимый писатель?» (стр. 692) – автор отвечает: «Не знаю. Но не Паустовский».

Или вот еще пример – образчик романтического лихачества.

Вопрос: «Кто из литературных героев – самые нелюбимые вами?»

Ответ: «Жулик, проныра и стяжатель Мальчик-с-пальчик, слепой душитель Отелло, неудержимый фразер Гамлет и элементарная стерва Манон Леско».

Я не сомневаюсь, И. Я., как человек активного действия, искренно не любит Гамлета. Но, право же, валить Гамлета в одну кучу с жуликами и пронырами – это надо обладать поистине неслыханной дерзостью. Только поймут ли ее читатели? Не вызовет ли она у них нежелательных суждений о самом авторе? Да и характеристика Манон Леско – что, как не литературное кокетство?

Подобные авторские откровения в указанных ответах не сводятся только к приведенным примерам. Их гораздо больше.

По-моему, едва ли нуждаются в особых комментариях такие выражения, как «дым отечества», «кипел бой» и им подобные. Тут, мне кажется, мы имеем дело с обычной метафоричностью языка, почерпнутой из самой жизни. Например, сельский житель вдыхает в себя этот дым отечества буквально с первых шагов своей жизни, начиная от печного дыма жилья и первых костров в поле и на лугу.

Думаю, не стоило бы касаться и такого серьезного вопроса, как Русь и варяги. Во всяком случае, об этом говорить походя нельзя.

Я не большой поклонник «Мастера и Маргариты» Булгакова, и все же нельзя И. Ильфа и Е. Петрова ставить в пример ему как сатириков. Нет-с, не та интеллектуальная культура, не тот-с духовный класс.

На стр. 755-756 И. Я. снова горячо ратует за волшебничество. Я всем сердцем с ним, я за то, чтобы у нас было больше чудес в жизни, больше красоты, больше романтики, но я еще и за чувство меры.

Есть у меня кое-какие замечания по стилю. Но он и минимальны, и я не буду задерживаться на них.

Рецензия моя затянулась. Но что делать? Книга большая, написана человеком страстным и пристрастным, и, читая ее, я невольно и сам настраивался на спор, на полемический лад.

Мои предложения:

1. Вторая книга нуждается в основательной доработке. Кое-что в ней надо убрать, сократить, но главное – придать ей ту цельность и целеустремленность, которые присущи первой книге. А для этого необходимо все главы книги сделать более одухотворенными, подчинить в них материал одной задаче – раскрытию сложностей и секретов писательской работы.

Так как, несмотря на доработку, вторая книга все же по своему материалу книга иная, чем первая, то, мне кажется, во вступлении нужно четче определить ее принципы, ее структуру.

2. В связи со склонностью автора книги к полемическим заострениям и крайностям в суждениях, вероятно, было бы целесообразно подумать об «уравновешивающем» предисловии или послесловии.

1 декабря 1971 г.

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: Илья Бражнин. «Сумка волшебника» : [рецензия] // Собрание сочинений. В 6 т. / Ф. А. Абрамов. – СПб., 1993. – Т. 5. – С. 468-474.